

Вальтер Фогт

Игры власти

Перевод с немецкого
Евгения Факторовича

Действующие лица: два старика.

Место действия: мансарда в старом доме.

Дельтген (*просыпается, зевает, смотрит на спящего Гретлера*). Ну и здоров же он поспать. (*Пауза.*) Мне бы его нервы... Зазвонил будильник Гретлера. Тот автоматическим движением нажимает на кнопку, прерывая звонок. Спит. Дельтген вне себя.

(*Вытягивает руки, растопыривает пальцы.*) А у меня с нервами ни к черту. Он так, чего доброго, целый день проспит. (*Снисходительно.*) Вообще-то спать для здоровья полезно. (*Поднимается с постели, подходит к тумбочке Гретлера, проверяет содержимое ящика, съедает его финики, возвращается к своей тумбочке, достает кусок шоколада и съедает его. Потом снова идет к тумбочке Гретлера, забирает будильник, ставит на свою тумбочку и, вздохнув, ложится в постель.*) Так... (*Переводит будильник на несколько минут. Достает из ящика кусочек хлеба. Морщится; хлеб черствый; берет еще кусочек шоколада. Менгорским тоном обращается к спящему Гретлеру.*) Шоколад — очень вредный продукт. Для печени. Если есть его много... (*Ухмыляясь, жует.*)

Звонит будильник. Гретлер хочет снова отключить его, но не находит на месте. Дельтген с удовольствием наблюдает, как Гретлер беспомощно шарит по тумбочке, испуганно вскакивает и садится на постели, все еще не открывая глаз. Завод будильника кончился. Утренняя свежесть вызывает у Гретлера легкий озноб.

Гретлер. Где мой будильник?
Дельтген. Добрый день.

Пауза.

Гретлер. Добрый, добрый. Зачем ты взял мой будильник?

Дельтген. Ты проспал.

Гретлер. Ничего я не проспал. (*Хочет опять повернуться лицом к стене.*) Да и что тут можно проспать?

Дельтген. Здесь? Целый день дарованный нам господом богом. (*Очень мягко.*)

А этого мы не хотим...

Гретлер. Какой дивный сон мне снился, а ты меня разбудил.

Дельтген. Расскажи мне этот сон.

Гретлер. Я... э-э-э... много красивых женщин... (*Тут же спохватывается.*) Цветов... Понимаешь? как будто огромное поле... все в цветах, или это была радуга... или... э-э-э... ничего толком вспомнить не могу.

Дельтген. Вот видишь, ты даже не в состоянии вспомнить свой сон. А сон, который нельзя пересказать, это для всех, кроме тебя, ноль, пустое место.

Гретлер. Мои сны мне снятся не для всех.

Дельтген. Как ты можешь говорить такие вещи? Ты просто эгоист! Мне вот ничего не снится, а ты не желаешь поделиться со мной своими снами!

Гретлер. Этот сон я забыл...

Дельтген. О чем я и толкую...

Гретлер. Ну вот! Так уж ни о чем и забыть нельзя... (*Ищет что-то в ящике тумбочки.*) Где мои финики?! Это ты их взял!
Дельтген. Твои финики? С каких это пор ты стал сквалыгой, а-а?

Гретлер. Моими финиками ты не брезгуешь, а чтобы меня угостить шоколадом — так это дудки.

Дельтген. Будь столь любезен, поставь воду на огонь.

Гретлер ставит чайник на плитку, начинает готовить завтрак. Царственным жес-

том Дельтген протягивает ему кусочек шоколада.

Гретлер. Больно маленький кусочек-то. Дельтген. Ты, никак, всерьез решил надорвать свою печень?

Гретлер. Сам-то ты есть его не боишься?

Дельтген. Разве это я жалуясь на желудок и разные там колики? Кого хочешь спроси: перед завтраком есть шоколад вредно. И аппетит отбивается. А сейчас я умоюсь. Хочется умыться. *(Делает вид, будто собирается встать с постели.)* Ну, хорошо, если ты считаешь, что...

Гретлер *(принимает ему газ, кувшин с водой)*. Нет... Нет...

Дельтген. Спасибо.

Гретлер накрывает на стол. Достает сгущенное молоко, хлеб. Дельтген умывается, но для вида, лишь слегка смачивая пальцы.

Только помывшись, чувствуешь себя настоящим человеком. *(Пауза.)* Мы сегодня еще не пели.

Гретлер. Разве обязательно каждое утро петь?

Дельтген. Не вижу причин, чтобы не петь именно сегодня.

Гретлер. А мне хочется знать, почему мы должны сегодня петь.

Дельтген. Ну ладно, начинаем. *(Запевает.)*

Он словно нащупывает мелодию, а потом с таким вызовом смотрит на Гретлера, что тот начинает подпевать. И вот они уже орут во все горло. Потом Гретлер безо всяких понуканий приносит Дельтгену завтрак в постель. Дельтген с аппетитом уписывает завтрак. Гретлер тоже собирается приступить к еде.

Ты еще не умывался.

Гретлер скривился.

Нет, это недопустимо: садиться за завтрак в подобном виде. Неумытый. Невыспавшийся и неумытый.

Гретлер. Разве это не мое личное дело? *(Идет умываться.)*

Дельтген *(продолжает есть)*. Где там у тебя сахар?

Гретлер. Ты забыл — сахар кончился. Дельтген. А масло?

Ответа нет.

Вчера масло еще было. Ты не можешь этого не помнить.

Гретлер. А сегодня его нет.

Дельтген. Как прикажешь жить с тобой, если на тебя ни в чем нельзя положиться?

Гретлер. И вообще, есть масло вредно...

Дельтген бросает на него испепеляющий взгляд.

Ты сам говорил...

Дельтген. Серьезно, твое поведение меня беспокоит... Ты, очевидно, не представляешь себе, что значит нести ответственность за сотоварища...

Гретлер. Какого такого сотоварища?

Дельтген. Он еще спрашивает: за тебя, конечно. Никого, кроме тебя, здесь нет.

Пауза. Гретлер наконец хочет позавтракать.

По-моему, мне пора одеваться. *(Продолжает есть.)*

Гретлер по ошибке приносит ему собственные вещи.

(Очень мягко.) Я просил принести мои вещи, а не эту...

Гретлер с виноватым видом относит свои тряпки обратно, приносит костюм Дельтгена.

А если вдуматься, ты прав, тебе действительно имеет смысл одеться перед завтраком...

Гретлер больше не возражает, одевается.

(Откидывается на спинку кровати.) Я чудесно позавтракал. *(Поет.)* Для радости надо немного, кто радостен — тот и король! Гретлер. А я?

Дельтген *(совершенно невозмутимо)*. Ты мог бы помыть посуду. Ты же знаешь, я терпеть не могу беспорядка. Чем теснее помещение, тем важнее в нем порядку. Живи мы во французском королевском дворце, посуду после завтрака можно было бы и не убирать. Но здесь...

Гретлер действительно начинает мыть посуду, на ходу ест и допивает остатки кофе. Из укромного местечка достает масленку, намазывает масло на хлеб, быстро проглатывает, давясь, закашливается. Дельтген наблюдает за ним.

Какой ужас!

Гретлер продолжает кашлять.

Известно ли тебе, почему ты кашляешь?

Гретлер. Я простудился!

Дельтген. Подойди, я стукну тебя по спине... (Что он и делает.) Я так и знал, что масло у нас не перевелось...

Гретлер. Никакого масла нет, правда.

Дельтген. Теперь нет, вполне даже допустимо. И это несмотря на то, что врач рекомендовал мне есть масло не реже трех раз в день. (Пауза.) Меня знобит.

Гретлер. Меня тоже знобит.

Дельтген. Я хотел сказать, что... Ты мог бы помочь мне одеться.

Гретлер натягивает ему на ноги носки, тянется за туфлями.

Туфли пока не надо...

Гретлер ставит туфли на место.

Могу ли я получить газету?

Гретлер. Никаких новых газет нет.

Дельтген. Тогда, значит, старую.

Гретлер молча приносит ему газету. Дельтген углубляется в чтение. Достает трубку, набивает чубук, закуривает. Гретлер вздыхает. Дельтген достает еще кусок шоколада и ест. Гретлер, не в силах вынести этого, крадется к комоду и достает из него колбасу. В спешке он порежет себе палец.

Гретлер. Ой-ой-ой... (Показывает Дельтгену окровавленный палец.)

Дельтген (отворачивается). Разве ты забыл, что я не выношу вида крови?

Гретлер. Что мне теперь делать?

Дельтген. перевяжи.

Гретлер. Как? Я сам?

Дельтген. А кто же еще?

Гретлер. Из этого ничего не выйдет.

Дельтген. Знаешь, я сейчас не отказался бы от кусочка колбасы.

Гретлер протягивает колбасу, униженно заглядывая ему в глаза.

Нужно продезинфицировать. (Роемся в ящике своей тумбочки, достает туалетную воду.) Иди сюда! Это подойдет! (Поливает палец бедолаги Гретлера, тот воет от боли.) Не верещи!

Гретлер. Тебе не больно, не ты порезался...

Дельтген. Откуда тебе знать, сколько

таких порезов у меня было? И что ты вообще знаешь о моей жизни?

Гретлер (пересиливая боль). Но ведь ты ни о чем таком не рассказываешь.

Дельтген. Не вижу причин для подобных излияний. (Очень аккуратно перевязывает палец бинтом.) Если разобраться, только душевная боль — боль истинная. А всякие там порезы — это не в счет...

Гретлер. Хорошо тебе говорить...

Дельтген. Я потерял своих родителей, когда был совсем маленьким мальчиком. И остался круглым сиротой.

Гретлер. Я тоже круглый сирота.

Дельтген. Да, но только с пятидесяти трех лет. В этом вся разница.

Оба сидят на постели. Дельтген читает газету и покуривает, Гретлер прижимается к своему перевязанному пальцу, потом зажимает нос, кашляет.

Прекрасный голландский табак. Нет ничего лучше, чем выкурить трубочку после завтрака, даже посредственного.

Гретлер снова кашляет. Дельтген смотрит на него с укоризной. А Гретлер не понимает почему.

Ты кашляешь только потому, что завидуешь мне: трубочку курю...

Гретлер. Я кашляю, потому что не выношу табачного дыма...

Дельтген. Мелочный ты человек! (Тонком, не допускающим возражений.) Я тоже не смог бы терпеть чужой табачный дым. Будь комната моей!

Лицо Гретлера выражает страдание. Зато Дельтген — само воплощение дружелюбия и удовлетворения. Читает газету. Время от времени зачитывает что-нибудь вслух. Гретлер заметно нервничает.

Сгорел детский дом.

Гретлер. Я его не поджигал.

Дельтген. Ты уверен??

Гретлер. Хоть в этом я не виноват — я его не поджигал!

Дельтген. Конечно, нет... Это детский дом в Бриссаго. Туда тебя, слава богу, не заносило. (Пауза, читает.) Некий альпинист, возвращаясь домой после тренировки, убил на дороге старушку, собиравшую хворост.

Гретлер. Это старая газета.

Дельтген. Хотел, наверное, помочь ей

поднести вязанку, а она стала сопротивляться...

Гретлер. Эта газета за прошлую неделю.

Дельтген. Чем старше газета, тем больше шансов, что описанные в ней события произошли на самом деле.

Гретлер. Почему?

Дельтген. Этого тебе никогда не понять. (Пауза.) Ты мог бы сейчас застелить постели. Занялся бы по крайней мере делом. (Пауза.) В Понтрезене сгорела гостиница, есть человеческие жертвы.

Гретлер. Это случилось две недели назад.

Дельтген. Жертвы — они жертвы и есть. Тем более человеческие. Ты только вообрази себе: лежишь ты в гостинице, ни о чем таком ни сном ни духом...

Гретлер. Я! В гостинице! (Смеется.)

Дельтген. Ну да, не ты... (Пауза.) Вынужден заметить, что наши постели до сих пор разобраны. (Смотрит на часы.) В девять часов!

Гретлер. Постели не будут убраны ни в десять, ни даже в одиннадцать... Особенно если кто-то считает, будто стелить их буду я.

Дельтген. Что такое?!

Гретлер (сильно повысив голос). Сегодня не моя очередь!

Дельтген (спокойно). А то чья же?

Гретлер испускает крик и, сжав кулаки, в отчаянии бросается на Дельтгена, который сидит на постели в весьма неудобной для защиты позе. Неясно вообще, дотронулся ли Гретлер до него, но тут раздаётся стон Дельтгена. Гретлер мгновенно отскакивает в сторону. Дельтген опять стонет.

Гретлер. Ты ударился? Ну, скажи, ты ударился, тебе больно? Или это я тебя задел? Не молчи! Я задел тебя?

Дельтген. Бросается на беззащитного старого человека. На беззащитного старого больного человека...

Гретлер (вот-вот расплачется). Я не хотел... Я был сам не свой... В таком состоянии я не соображаю, что делаю... Я, наверное, тоже болен.

Дельтген. Ты не болен. Ты слаб. И поэтому собой не владеешь.

Гретлер прячет лицо в ладонях. Пауза.

Холодно здесь. Меня бьет озноб. (Никакого

ответа.) Я старый, больной, беспомощный... меня избили... и теперь меня знобит...

Гретлер начинает растапливать печь. Дельтген с удовольствием раскуривает свою трубочку, читает газету.

А постели до сих пор не застелены.

Гретлер. У меня не сто рук.

Дельтген. Может, мне постелить?

Гретлер приводит в порядок свою постель, на которую тут же пересаживается Дельтген.

Гретлер (возбужденно). Не на подушку! Прошу тебя...

Дельтген. Куда же прикажешь сесть, если не на твою постель?

Гретлер. На подушку ты до сих пор никогда не садился.

Дельтген. На подушку, не на подушку — какая разница?

Гретлер, тяжело вздыхая, застилает постель Дельтгена, что довольно сложно, она основательно смята, кроме того, Дельтген любит, чтобы ноги лежали повыше и так далее.

Было бы, между прочим, очень хорошо, если бы ты умел читать. Чтение очеловечивает... И помогает скоротать время. (Пауза.) А что ты, в сущности, станешь делать, когда я однажды оставлю этот мир?

Гретлер. О-о! Целый день просижу на постели — и пусть обслуживают меня!

Дельтген. Кто?

Очень долгая пауза. Гретлер садится перед печкой на стул, греется. Дельтген нервно перелистывает газету и часто попыхивает трубочкой. Оба исподтишка наблюдают друг за другом.

Печка уже нагрелась? (Пауза.) Все равно... посижу у печки.

Дельтген сам подтаскивает к печке стул, что, по всей видимости, Гретлеру неприятно, и со стулом в руке останавливается рядом с Гретлером, который начинает откровенно нервничать.

Гретлер. Ты что? (Пауза.) Давай садись, устраивайся поудобнее.

Дельтген. Я думаю, ты не забыл, что я привык укладывать ноги повыше...

Гретлер. А я?

Дельтген. А где ты всегда сидел? Нну!..

Гретлер плетется к своей кровати, как облитый водой пудель. А Дельтген садится перед печкой, положив ноги на второй стул. Гретлеру холодно, он собирается залезть под одеяло.

Ты должен сидеть на постели, а не лежать в ней!

Гретлер. Мне холодно.

Дельтген. Ему холодно... Если мерзнешь, займись делом. Работа согревает!

Гретлер. Не так уж я мерзну. Но иногда что-то такое накатывает, ты ведь знаешь...

Дельтген (*задумчиво, как бы начиная издали*). Во всем требуется определенный порядок. Порядок и дисциплина... Иначе никакое человеческое общежитие невозможно. Это и к великим державам относится, и к нам с тобой, простым смертным. Ты, если разобратся, человек хороший, но с дисциплиной у тебя нелады. Тебя необходимо опекать. Впрочем, ты этого заслуживаешь. (*Пауза.*)

Гретлер. Я думаю, если я немного полежу под одеялом, мне сразу станет лучше. Ну, давай сделаем исключение...

Пауза.

Я правда сильно замерз...

Дельтген. Ты, случайно, не захворал?

Гретлер. Нет... нет.

Дельтген. И тем не менее тебе холодно?

Гретлер. Да-а...

Дельтген. Редкий случай. Любопытный.

Гретлер. Кто? Я?

Дельтген. Ты? Все нет. Но любопытно все же, что тебе холодно.

Гретлер. Почему?

Дельтген. Холод угнетает. Кому холодно, тот в некотором смысле и не человек больше. (*Задумывается.*) Если тебе холодно, делай зарядку.

Гретлер. Нет! Не хочу!

Дельтген. Зарядка — прекрасное средство для улучшения кровообращения. К тому же она улучшает деятельность желудка. После зарядки становишься другим человеком.

Гретлер. Так почему бы и тебе не заняться зарядкой?

Дельтген. При моей закупорке вен? С моими воспаленными суставами рук и ног? С моими геморроями?

Гретлер. Не могу я каждый день делать зарядку...

Дельтген. Если ты способен каждый день мерзнуть, то и зарядку будешь делать каждый день!

Гретлер. Лучше уж я буду мерзнуть!

Дельтген. Не смей так говорить! Я отвечаю и за тебя, и за твое здоровье. И если я говорю «делай зарядку!» — я тебе только добра желаю. Я только о тебе и забочусь!

Гретлер. Умоляю тебя... не надо зарядки... не сегодня... я уже почти не мерзну... А тело все так и ломит...

Дельтген. Ну что ж, ты человек свободный. И волен поступать, как тебе вздумается. Зарядка по принуждению — бессмысленное дело. Такая зарядка даже может повредить. И если ты сам не проникнешься мыслью о ее пользе, лучше и не начинать... Что и говорить, жизнь у тебя скучная, пустая. Газет не читаешь, зарядку делать не желаешь. (*Пожимает плечами.*) Мне тебя жаль...

Пауза.

Гретлер. Знаешь, мне кажется... что мне уже хочется делать зарядку.

Дельтген. Вряд ли я теперь это тебе позволю. Гимнастика — это радость души. Это раскрепощенность, свобода, легкое дыхание! А ты — смотреть на тебя противно!

Гретлер. А вдруг мне зарядка действительно поможет? Плечи у меня так и ноют... Размяться было бы не вредно...

Дельтген. Значит, все-таки решился? Прекрасно! Итак, начинаем делать зарядку. Вольному воля, спасенному рай!

Ставит пластинку с военной маршевой музыкой, отрывисто командует, а Гретлер выполняет одно упражнение за другим, неловко, часто не в такт, но Дельтген не обращает на это внимания. Гретлер запыхался, силы его на исходе, и только строгий взгляд Дельтгена заставляет его продолжать — все медленнее, все более устало, — пока, наконец, он не падает без сил на пол, судорожно дергаясь. Дельтген умолкает, с любопытством глядит на него.

Гретлер. О-о-о! Мое брюхо...

Дельтген. Брюхо? При чем тут оно?

Гретлер. Так и режет... (*Морщится от острой боли.*)

Дельтген. Я считаю, что ты сегодня хорошо размялся. Тебе это только на пользу.

Гретлер стонет. Поворачивается на спину. Постепенно он успокаивается. Дельтген набивает свою трубку; раскуривает ее.

От зарядки немудрено и устать. И даже проголодаться. По-моему, я слишком давно не подкреплялся... *(Встает со своего «трона», отрезает кусок колбасы, жует.)*

Гретлер не спускает с него глаз.

(Продолжая жевать.) Голодать полезно для здоровья. И вообще, есть следует только тогда, когда испытываешь голод. Иначе говоря: чтобы хотелось есть, нужно постоянно быть голодным. И зарядку тут ничем не заменишь: хочешь проголодаться — сделай зарядку. *(Находит на полке два яйца. Вертит их так и сяк, принохивается даже, что совершенно бессмысленно, но не должно выглядеть чрезмерно комично: просто он хочет выглядеть «сверхопытным» человеком.)* Где у тебя жир?

Гретлер указывает на ящик.

Рядом с подсолнечным маслом и луком? Чтобы он насквозь пропах?

Гретлер лежит на полу в полубморочном состоянии, его эти нелепые придирки уже не трогают. Дельтген жарит яичницу.

У меня аж слюнки во рту. Где соль? Гретлер *(слабый жест в сторону)*. Там... Дельтген. А прямо на пол ты не мог ее поставить?

Гретлер. В самом низу соль сыреет, сбивается в комочки, а ты этого не любишь.

Дельтген. Боже мой, я чуть не забыл! Тебе же плохо, у тебя живот болит!.. Тебе ни в коем случае нельзя есть жареного.

Гретлер устало кивает.

Жалко — я как раз хотел поделиться с тобой глазуньей.

Гретлер стонет, его начинает бить дрожь.

Тебе опять холодно?

Гретлер. Нет.

Дельтген. Вот видишь, зарядка помогла. Садись теперь на свою кровать. Что ты разлегся на полу? Вдруг к нам кто-нибудь зайдет? Что он о нас подумает... если зайдет?

Гретлер медленно поднимается и послушно садится на свою постель. Смотрит пря-

мо перед собой — в никуда. Дельтген начинает есть.

Выше голову, улыбочку — ты же у нас гимнаст!

Гретлер силится принять менее несчастный вид.

Ну, что там у тебя опять?

Гретлер. Я есть хочу.

Дельтген. Это ты все выдумываешь. Тебе просто скучно. Кому скучно, тому сразу жрать хочется, а кому жрать хочется, воображает, что он голоден. *(Оглядывает комнату.)* Смотри, какой у нас беспорядок... Вон тот носок почему на полу валяется? А твои вещи — почему ты их так небрежно повесил?.. Кстати, пол ты не подметал и не протирал. Ты же знаешь, до чего я ненавижу беспорядок.

Гретлер. Да, ты у нас чувствительный. *(Встает, поднимает носки и вообще пытается навести в комнате полный порядок, снимает верхнюю одежду с крючков и стульев, развешивает в шкафу.)*

Дельтген *(увидев в шкафу мундир)*. Стоп! Покажи мне...

Гретлер. Он мой!

Дельтген. Покажи!

Гретлер показывает китель.

У тебя один китель?

Ответа нет.

Не может быть, чтобы был только один китель. Давай, давай еще!

Гретлер достает брюки.

Ну, еще!

Гретлер. Что — еще?

Дельтген. К мундиру положена сабля.

Гретлер достает саблю.

Дай сюда!

Гретлер. Мундир мой, мой!

Дельтген. Твой?

Гретлер. Я был...

Дельтген. И поэтому он принадлежит тебе. Допустим, он твой. Но мне он будет как раз впору. *(Вид мундира его словно околдовал.)* Мундир принадлежит тому, кто командует. Ты умеешь командовать?

Гретлер. Командовать?

Дельтген. Ну, отдавать приказы!

Гретлер. Какие такие приказы?

Дельтген. Значит, не умеешь. В таких

вопросах неясности не бывает: либо умеешь, либо нет. Помоги мне одеться. (*Одевается.*) Сидит как влитой. А ремень... кожа первый класс, умели же делать люди! И теперь — саблю!

Гретлер протягивает саблю. Дельтген собирается нацепить ее справа.

Гретлер. На левый бок... Сабля всегда слева...

Дельтген (*меняет*). Ты не смеешь почать офицера, с какой стороны ему носить саблю. (*Прохаживается в мундире по комнате, самодовольный, как фазан, но совсем не смешной. Сам мундир тоже отнюдь не опереточный.*)

Где шлем?

Гретлер протягивает ему шлем. Дельтген надевает его. Шлем ему впору. Дельтген щелкает каблуками, отдает честь.

Кррра-ссо-та (*Улыбается воображаемому строю солдат.*) Зеркало! (*Пауза.*) Хочу посмотреть на себя.

Гретлер. Нет у нас никакого зеркала. Дельтген. Как это может не быть зеркала? С каких пор?

Гретлер пожимает плечами.

Ну, и что с того, что его нет, — надо что-нибудь придумать! (*Оглядывается по сторонам.*)

Гретлер. Вон там, в тазу вода. Посмотри...

Дельтген (*наклоняется над тазом*). Ни черта не видно — одна муть. И вообще, кроме головы, тут ничего не увидишь. (*Тем не менее надолго склоняется над тазом, гримасничает. С разочарованным видом отходит от умывальника. Снова шарит глазами по комнате.*) Ура, нашел! Ты!

Гретлер. Что — я?

Дельтген. Да, ты! Ты будешь моим зеркалом!

Гретлер. Ну, если ты так считаешь.

Дельтген помогает Гретлеру переодеться, весь дрожа от нетерпения.

Дельтген. И шлем тоже. И саблю...

Онемев от восторга, некоторое время не в силах отвести глаз от Гретлера. Вполне возможно, что мундир Гретлеру либо велик, либо мал, не сходится, например, на животе. Это ничего не меняет. Дельтген в трансе.

Походи, походи, подвигайся... Сделай несколько шагов, но по-военному, с выправкой, постарайся... Да, так... А теперь ты как будто принимаешь парад. Ладонь держи у шлема. (*В восторге.*) Дда, так ты похож на человека. Ладно, а теперь снимай мундир.

Меняют одежду.

Тебе тоже надо бы иметь форму. Другую, солдатскую. Мой мундир только тогда будет настоящим, если ты тоже будешь в форме. Ты меня понимаешь?

Гретлер. Но у нас всего один мундир... Дельтген. Голь на выдумки хитра. Что-нибудь да найдется... (*Открывает шкаф, выбрасывает оттуда поношенную верхнюю одежду — ничего подходящего.*) Нет, не то, не то...

Гретлер. Ничего другого у нас нет. Дельтген. Паршиво! (*Пауза.*) Погоди, у меня есть идея... Примерь-ка вот это... (*Протягивает Гретлеру свою пижамную куртку.*) Прекрасный китель! Не хватает только фуражки.

Гретлер. Мне тоже полагается шлем. Дельтген. Ни в коем случае! Это против всех уставов! У солдат — пилотка или фуражка, у офицеров — шлем!.. Гляди, вот прекрасная фуражка для тебя. (*Натягивает на голову Гретлера носок — получается что-то вроде головного убора якобинца.*) Впечатляет! Вот теперь я настоящий офицер. (*Возвращается к печке. Неожиданно расстроганным голосом.*) Всю жизнь я мечтал стать офицером...

Гретлер. Почему же ты не стал им?

Дельтген. Я с самого детства болел.

Гретлер. А-а-а...

Дельтген. Порок сердца. (*Встряхивается.*) Внимание — смирно! Сейчас все у нас пойдет всерьез. Встань вот сюда. Да, сюда. Гру-удь выпятить, живот втянуть. Держись ровнее. Каблуки — вместе! Во-во! Руки по швам. Вот так!

Гретлер. Что-то мне не по себе...

Дельтген. Глупости, чушь! Повторяем: внимание — смирно!

Гретлер подчиняется, все у него выходит неумело.

А теперь помаршируем: вперед — ма-а-арш!

Гретлер марширует, Дельтген командует.

Руками... раз-ма-хи-вать в такт! Лле-вой

рраз, лле-вой рраз и т. д. Отделение, стой!
Рраз-два!

Гретлер останавливается.

Ве-ли-ко-леп-но! Это самый прекрасный день в моей жизни!

Гретлер. А теперь что?

Дельтген. Теперь мы отправимся на маневры. Маневры — это тот же бой, критическая ситуация. Если солдат не покажет себя на маневрах, что он сумеет в бою? Конечно, критическая ситуация сложнее маневров. В бою убивают, а на маневрах нет. И именно поэтому на маневрах все должно быть еще тяжелее, чем в бою. Пусть у врага превосходство в живой силе, пусть — мы и знать этого не желаем! Настоящий солдат чувствует, где враг и какие у него силы, когда он так и прет на тебя... то есть, нет, враг — тот постарается подойти незаметно, подкрасться, так сказать, исподтишка, он только на подлости и способен, но мы встретим его лицом к лицу! Грудью встретим! И будем сражаться до последней капли крови. Об этом не может быть двух мнений. И солдат рад умереть, погибнуть... Гретлер. Bravo! Bravo, bravo... *(Хлопает в ладоши.)*

Дельтген *(слегка смущенный)*. Когда говорит командир, солдату положено молчать! И любые выражения восторга тут неуместны...

Дельтген садится поближе к печке, Гретлер стоит рядом с потерянным видом.

Это были еще малые маневры. Но я моими частями доволен. С такими храбрецами и воевать не страшно! Но главное — это командиры. От них все зависит: и мужество солдата, и дисциплина! Рядовой! Гретлер. Слушаюсь!

Дельтген. Огонь!

Гретлер. Слушаюсь! *(Вопросительно смотрит на Дельтгена.)*

Дельтген. Подбросить брикетов, конечно! Нам что, околевать от холода?!

Гретлер бросает уголь в печь; Дельтген греет руки.

После маневров наши войска ушли на зимние квартиры, которые нужно отапливать, ясно? *(Достает из шкафа бутылку, подходит к Гретлеру, кладет ему руку на плечо. Открывает бутылку.)* Все солдаты — братья, даже если они противники.

Враждебность — это явление преходящее, ошибка истории, а братство — это на веки вечные... *(Утирает глаза тыльной стороной руки. Отпивает порядочно из бутылки. Протягивает бутылку Гретлеру.)* Пей, братишка, пей. *(Объясняет.)* Солдат — это младший брат офицера.

Гретлер. Ага. *(Делает глоток.)*

Дельтген отпивает намного больше и хочет закрыть бутылку пробкой; передумав, снова протягивает ее Гретлеру. Тот с жадностью пьет. Дельтген отбирает бутылку, возвращается к печке. Закуривает трубку. Читает газету. Гретлер стоит рядом, он порядком выложился, ему нехорошо.

Я устал...

Дельтген *(смотрит на него)*. А ты приляг. Нет ничего странного, что ты устал после такого боя... Хотя, если подумать, то солдату в бою легче... Офицер и думает за него... и карты изучает, и уставы... не спит, он... короче, он все делает за солдата. При этом офицер всегда одинок.

Гретлер. Ты это уже говорил.

Дельтген. Ну и что, повторяться не грех... Э-э... Да, конечно, если разобраться, солдат более счастливый человек, чем офицер. Ты более счастливый, чем я... *(Сам несколько удивлен таким выводом.)*

Гретлер *(без издевки, спокойно)*. Так точно!

Дельтген. Что это еще за тон, — это должно звучать четко и ясно. *(Кричит.)* Так точно! Слышишь, ты!

Гретлер. Так точно! Я устал.

Дельтген. Тогда ложись!

Гретлер. Куда?

Дельтген. «Куда-куда»... На свою проклятую кровать — куда еще?

Гретлер. Так точно.

Дельтген. Надо говорить: так точно, командир!

Гретлер. Так точно, господин командир! *(Со вздохом укладывается на постель.)*

Дельтген. Ты обязан немедленно заснуть. Ты измотан, в таком состоянии каждый засыпает мгновенно. Даже под огнем...

Гретлер. Точно так... *(Как будто действительно засыпает.)*

Дельтген. Вот и хорошо. Солдаты отдыхают. А командир не имеет права на отдых. Опять-таки, если вдуматься, солдаты своих офицеров любят. Особенно строгих.

Строгих, но справедливых... А то, что офицеры любят своих солдат, всякий знает... *(Как бы сам удивляется мысли, пришедшей ему в голову.)* Странное все же дело... Каждый из них все делает ради другого, даже умрет ради него... и все-таки одни — солдаты, а другие — офицеры... *(Пожимает плечами, смотрит на Гретлера.)* Он и в самом деле спит. Мне бы его нервы. Хорошо, конечно, что он спит. Силы ему еще понадобятся... *(Пауза.)* Противник опять наступает! *(Громко.)* Слышишь: враг рядом! *(Орет.)* Тревога!!!

Гретлер вскакивает.

Тревога! Война! Враг близко!.. Вот он, враг!

Гретлер. Так точно!

Дельтген. Тревога, тревога! Мы будем защищаться — не можем же мы пропустить врага...

Гретлер *(встает)*. Конечно, нет...

Дельтген *(в полугрансе)*. В ружье! Гретлер. Но у меня нет...

Дельтген. Где же это видано — солдат без оружия?! *(Сует Гретлеру в руки винтик.)* Вот, возьми... Это твоя винтовка...

Гретлер. Слушаюсь.

Дельтген. Ложись!

Гретлер ложится.

Быстрее, не то враг сто раз тебя убьет! Встать!

Гретлер медленно поднимается.

А теперь — лечь!

Гретлер падает как подкошенный, он не то плачет, не то подвизгивает.

Вот так... это уже куда лучше. А теперь ползи... вперед — ползком! Стоп! Опасность временно миновала. Копай окоп! Гретлер. Копать? Ничего здесь не выкопашешь, почва — как камень.

Дельтген. Тогда оборудуй пулеметное гнездо... вот стулья... вот матрасы... самая настоящая баррикада... неприступная крепость... А сейчас — в укрытие.

Гретлер вопросительно смотрит на него.

Твоя главная задача — наблюдать за противником... Потом медленно-медленно выкатишь пулемет, но только чтобы противник не заметил, — прицелишься получше, дашь очередь — и твой враг убит. Но

где есть один враг, есть, конечно, и другие враги. Ты меня понял?

Гретлер. Так точно, господин генерал. Дельтген. Достаточно будет и майора. Гретлер. Так точно, господин майор. Дельтген *(снова приходит в возбуждение)*. Там...

Гретлер. Что там?

Дельтген. Неужели ты не видишь? Там... противник! Он все ближе, ближе... Это твой враг... Стреляй же, стреляй! Боже мой, неужели ты действительно не видишь, в каком положении мы оказались? *(Орет.)* Огонь!!! Тра-та-та-та-та-та... *(Имитирует пулеметную очередь.)*

Гретлер. Тра-та-та-та-та-та...

Дельтген. Их все больше и больше, одна волна накатывается за другой. *(Его страх и воодушевление искренни. Не подлежит сомнению, что он «видит» наступающего «противника».)* И там, и там, и откуда они только берутся!.. Боже милостивый, кто бы мог подумать... Теперь вперед... перебежками... Так-так... Лечь!.. Ползем! Огонь! Тра-та-та-та-та... *(Только нагибается, но на пол не ложится и не ползет.)*

Гретлер. Тра-та-та-та-та-та...

Дельтген. А теперь на штурм — вперед давай!..

Гретлер. Но ведь это же печь. Дельтген. Что такое печь! Плевать на нее. *(Переворачивает печь.)*

Гретлер *(кричит)*. Ты сошел с ума!

Дельтген. В атаку! На штурм! Вперед!!! Гретлер. С меня хватит, ты рехнулся! *(Рывком поднимается на ноги.)*

Некоторое время они молча, с неприкрытой ненавистью смотрят друг на друга.

Дельтген *(на секунду опередив Гретлера, бросается к двери, поворачивает в замке ключ и прячет его. Совершенно спокойно.)* Вот теперь мы увидим, кому что надоело.

Гретлер *(расправляет плечи)*. Дай мне ключ!

Дельтген. Неподчинение приказу! Дезертирство! Трус поганый!

Гретлер. Отдай мне ключ — я хочу выйти отсюда!

Дельтген. Предатель!

Гретлер. Я хочу выйти отсюда!!!

Гретлер бросается на Дельтгена с кулаками, но тот молниеносно уклоняется, и

Гретлер, споткнувшись, едва удерживается на ногах. Неожиданно Дельтген с легкостью и проворством зайца подбегает к окну, локтем разбивает стекло и выбрасывает ключ. Поворачивается к Гретлеру.

Дельтген. Вот теперь и поглядим, кто посмеет бежать с поля боя — перед лицом врага...

Гретлер (*хрипит*). Ты с ума сошел... ты рехнулся... хочешь, чтобы я подох здесь...

Дельтген. Я требую повиновения, и я добьюсь, чтобы мне повиновались!

Гретлер (*в ужасе*). Выпусти меня отсюда! У нас пожар!

Дельтген. Вперед! Огонь! Тра-та-та-та-та...

Гретлер (*с угрозой в голосе*). Не стану я наступать на твоего врага. У меня здесь только один враг.

Дельтген (*вытаскивает саблю*). Я заставлю тебя повиноваться.

Гретлер кричит. Поднимает руки вверх, отступает, а Дельтген, с саблей в руке, шаг за шагом его преследует.

Я научу тебя повиновению. Повиновению и дисциплине.

Гретлер (*в ужасе*). Нне-ет...

Гретлер прижат к стене. Дельтген автоматически делает еще шаг вперед, а Гретлер, охваченный страхом, бросается на него; Дельтген колет, Гретлер падает.

Дельтген. На войне как на войне... А приказ есть приказ. Офицер обязан выполнить свой долг. При любых обстоятельствах. (*Смотрит на мертвого.*) Вообще-то он был хорошим солдатом. Просто нервы подвели. Мы похороним его с воинскими почестями. (*Поднимает с пола веник. Громко командует.*) Нна-а крра-ул! (*Сам и выполняет команду. Потом как-то очень буднично произносит.*) А сейчас выстрелим в воздух... двадцать один раз... (*В этот момент замечает, что вся комната в огне и дыму.*) Пожар! Пожар! Боже мой! Все горит! А я здесь один, один как перст... По-мо-ги-те!!!

Второй вариант финала

Дельтген. На войне как на войне... А приказ есть приказ. Офицер обязан выполнить свой долг. При любых обстоя-

тельствах. (*Смотрит на лежащего Гретлера.*) Вообще-то он был хорошим солдатом. Просто нервы подвели. Мы похороним его с воинскими почестями. Он погиб, но свой солдатский долг исполнил. (*Пауза.*) Эй ты, вставай! Зачем притворяться?.. (*Опускается рядом с ним на колени.*) Не дышит... (*Встает.*) Что мне теперь делать... не могу же я все делать сам... я... не могу же я один... (*Начинает бестолково переставлять предметы в комнате.*) Ты не имеешь права так поступать со мной! Я всегда тебя опекал. Я себе во всем отказывал — ради тебя. А ты... Я совсем не знаю, как это все делается... Я должен... Куда все это девать, черт возьми! (*Смотрит на Гретлера.*) Ты никогда ни о чем всерьез не задумывался. А теперь... тебе не о чем больше думать. (*Наклоняется над Гретлером.*) Я тебе ничего такого не сделал! (*Отпрянул.*) Наверное, это сердце... У него тоже было неважно с сердцем, как и у меня. (*Опять начинает переставлять предметы в комнате.*) С моим сердцем шутки плохи, а тут такое дело... (*Пауза.*) Он начнет еще разлагаться. Вонь будет стоять! А потом все почернеет. И кожа отлепится от костей. И мухи слетятся. И крысы сбегутся. По-мо-ги-те! По-мо-ги-те! (*Пауза.*) Никто меня не услышит. По-мо-ги-те!!! (*Падает перед Гретлером на колени. Гладит его руку.*) Ну, помоги же мне! У меня, кроме тебя, никого нет. У меня, кроме тебя, никогда никого не было — не оставляй же меня в беде! Я для тебя что хочешь сделаю... ты только хоть чуть-чуть оживи...

Гретлер делает какое-то движение. Дельтген испуганно отшатывается.

Он пошевелился... он дышит. (*Хватает его за руку.*) Ты... ты дышишь! Выходит, ты не совсем мертвый?

Гретлер стонет.

Тебе больно? Ты ударился?

Гретлер (*поднимает голову*). Это ты меня чуть не до смерти...

Дельтген. Я не хотел, я не думал... Выздоровливай, умоляю тебя. Хоть немножко, хоть ненадолго... Никакой войны больше нет. И не было. Это мы все придумали! Хочешь, положу тебе на голову влажный компресс?

Гретлер стонет, кивает. Дельтген смачи-

вает какую-то тряпку, кладет ему на лоб.

Та-ак... тебе сразу станет лучше.

Гретлер стонет.

Надо положить тебе подушку под голову... (*Берет подушку, подсовывает под голову Гретлера.*) Скажи, тебе так удобно лежать? Смотри, никаких резких движений. Это опасно!.. Смерю тебе, пожалуй, температуру. Да нет, ерунда, нет у нас никакого термометра. И вообще, температура не самое главное, ведь правда? Поесть хочешь?

Гретлер кивает.

Хлеба?

Гретлер (*кивает.*) И выпивки!

Дельтген (*горопится все принести поскорее.*) А сыр?

Гретлер. И еще глазунью...

Дельтген хочет приготовить яичницу, но Гретлер постоянно его отвлекает.

Меня знобит...

Дельтген (*лыхтя, подгаскивает его поближе к печке.*) Ясное дело, раненых всегда знобит...

Гретлер. Почему бы тебе не укрыть меня одеялом.

Дельтген хлопает себя по лбу и приносит одеяло.

И глоток выпивки. Пожалуйста.

Дельтген дает ему бутылку.

Газету!

Дельтген. Ты что... хочешь почитать?

Гретлер. Да... А почему бы и нет?

Дельтген дает ему газету. Он ее небрежно перелистывает. Дельтгену удается наконец растопить жир и разбить над сковородкой яйца. Принесит яичницу Гретлеру.

Ух ты! (*Совершает решающую ошибку: жадно проглатывает горячую яичницу.*)

Дельтген. Аппетит у тебя — будь здоров!

Гретлер. Я так долго ничего не ел!

Дельтген. Если ты готов жрать не глядя, значит, ты больше не болен?!

Гретлер (*тоном хозяйина положення.*) Здоров, и еще как. Здоров как бык! (*Пауза.*) Устраивается на полу со всем возможным «комфортом».) Передай мне, пожа-

луйста, твою трубку. (*Пауза.*) Что-то мне покурить захотелось.

Дельтген (*тем временем преспокойно усаживается на своей постели.*) Ах вот как, мы совсем выздоровели!.. (*Достает трубку, набивает чубук, раскуривает.*)

Гретлер. Но я все-таки... (*Пауза.*)

Дельтген. Скажи мне, ты там на полу не мерзнешь?

Гретлер со стоном поднимается, автоматически начинает складывать одеяло.

Ты мог бы, между прочим, привести в порядок свою постель.

Гретлер принимается за дело.

Дай мне, пожалуйста, газету!

Гретлер. Сегодняшней у нас нет...

Дельтген. Давай старую.

Гретлер (*сначала демонстративно отворачивается, потом подбирает все-таки с пола листки газеты, складывает и отдает Дельтгену.*) На, возьми!

Дельтген долго смотрит на него, потом медленно-медленно протягивает руку за газетой. Гретлер опускает голову. Пауза.

Дельтген. Спасибо. (*Пауза.*) Детский дом сгорел...

Гретлер. Я его не поджигал. (*Пауза.*)

Дельтген. Ты уверен?.. (*Пауза.*)

Занавес

Вальтер Фогт (родился в 1927 году) живет и работает в Берне. Несмотря на большую известность, которую он приобрел как прозаик и драматург, не оставляет своей первой профессии — врача-невропатолога.

Внимание читателей и критики привлекли уже первые опубликованные им произведения: сборник «Возможные и невозможные рассказы» и пьесы «Горный воздух» и «Королева Эмменталя». В последующие годы Вальтер Фогт, отдавая предпочтение драматургии, пробует себя, и не без успеха, практически во всех жанрах литературы, издав романы «Вютрих» и «Меланхолия», сборники стихов «Все желтые дома» и «Ясные тексты», повесть «Птица на столе», книгу эссе «Загадки искусства и другие статьи», четыре пьесы для радио.

«Игры власти» написаны Вальтером Фогтом в 1970 году. Главные герои пьесы носят имена актеров, впервые исполнивших ее в драматическом театре Берна.